

видных представителей не только оппозиции, но и «легального пространства в целом». Не хватает и подсчёта численности судебных дел, заведённых против либералов по инициативе полиции, а также общего количества административных наказаний, наложенных на них по решению Особого совещания. Правда, отсутствие такого рода подсчётов отчасти объясняется размытостью самого термина «либерализм». Не всегда корректно приводятся в книге и наименования архивных фондов. Так, автор периодически пишет про «архив Департамента полиции», подразумевая фонд, в котором находится и архив этого государственного учреждения.

В целом, взгляды, идейные симпатии и антипатии жандармских офицеров и чиновников Департамента полиции нуждаются ещё в дальнейшем изучении. Трудно, к примеру, согласиться с мнением автора, будто руководящее звено политического сыска не только не противилось принятию Манифеста 17 октября 1905 г.,

но и психологически давно было готово к превращению самодержавия в конституционную монархию (с. 318). Столь смелые утверждения нуждаются в более развёрнутом и убедительном обосновании.

В то же время Л.В. Ульянова впервые в историографии провела комплексный, фундированный анализ представлений полицейских чинов о либерализме. В научный оборот введено большое количество новых источников, что является важным шагом вперёд в изучении правительственного аппарата Российской империи конца XIX — начала XX в.

Примечание

¹ *Лаврёнова А.М.* Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018; *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018; *Страхов Л.В., Перегудов А.В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. М., 2020; и др.

* * *

Анна Лаврёнова

Либеральное слово и полицейское дело*

Anna Lavryonova

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Liberal words and the police's deals

DOI: 10.31857/S086956870014484-3

В беседе с народоволкой П.С. Ивановской инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения подполковник Г.П. Судейкин говорил: «Во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы! Они скачут верхами рысью, за ними на почтовых едут либералы, тянутся на долгих простые обы-

ватели, а сзади пешком идут мужики»¹. И хотя знаменитый сыщик скорее выдавал желаемое за действительное, но уж точно не отводил либералам главенствующую роль в борьбе, развернувшейся тогда на просторах империи. И, вероятно, в этом он был отнюдь не одинок. Во всяком случае, в доку-

* *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетей, 2020. 358 с.

ментах политической полиции упоминания о чём-либо либеральном столь разрозненны и бессистемны, что выявление их превращает исследователя в старателя, вынужденного перемыслить один обзор губернского жандармского управления (ГЖУ) за другим. Поэтому объём работы, проделанной Л.В. Ульяновой в ходе исследования отношения полицейских чинов к либеральному движению, впечатляет: одно дело — препарировать сочные тексты П.И. Рачковского и Л.А. Ратаева, совсем другое — следить за мыслью какого-нибудь заурядного начальника ГЖУ из сонного провинциального городка, улавливая редкие, обронённые им по наитию, высказывания о смутно знакомом ему предмете. К тому же решение поставленной задачи потребовало применения новых для полицейской тематики методов: в частности, к контент-анализу исследователи дореволюционного сыска ранее не прибегали.

Книга написана специалистом для специалистов: даже несмотря на наличие в ней подробного очерка истории «карательного» ведомства и характеристики различных его составных частей, неподготовленному читателю едва ли удастся без труда погрузиться в чтение. Специфическое, в духе «старой школы», оформление сносок на фонд Департамента полиции только подчёркивает элитарный дух монографии². По сравнению с диссертацией, защищённой более 10 лет назад³, она выглядит более полнокровной: многочисленные «охранители» и либералы упоминаются в ней как хорошие знакомые автора, о них сообщаются не только необходимые сведения, но даже малоизвестные биографические детали, что заслуживает всяческого одобрения. Полагаю, работа бы только выиграла, будь в её составе именной указатель.

Вместе с тем добросовестное, тщательно вычитанное и со вкусом издан-

ное исследование Ульяновой практически лишено опечаток⁴ и технических огрехов, что в наше время является большой редкостью. К достоинствам работы надо отнести и неизменно внимательное и точное обращение с терминами. Так, слово «провокация» используется исключительно в своём прямом и узком смысле (с. 263), а некорректное применительно к дореволюционной полиции выражение «спецслужбы» не употребляется вовсе.

Один из принципиальных выводов Ульяновой состоит в том, что взгляды жандармских офицеров не отличались реакционностью, как принято считать, а чиновникам Департамента полиции импонировало скорее «умеренно-либерально-консервативное славянофильство» (с. 190).

Действительно, либеральные воззрения представителей судебного ведомства (а именно выходцы из него составляли большинство среди чиновников Департамента полиции), а также их сочувствие к обвиняемым, даже после 1905 г., не раз вызывали жалобы жандармских офицеров. Так, докладывая о конфликте прокурора Екатеринбургского окружного суда Б.О. Козицына, не пожелавшего привлечь к ответственности агитатора, с чинами Пермского ГЖУ, губернатор писал: «Настоящий случай такого отношения прокурорской власти к участникам революционной агитации во вверенной мне губернии является не единичным. Прокурорский надзор слишком явно не желает оказывать содействия делу борьбы с революционной пропагандой»⁵. Начальник Рижского охранного отделения подполковник Н.И. Балабин заявлял, что прокурор городского суда Благовещенский — «кадет, и даже левее по своим политическим убеждениям»⁶.

О каких-либо громких признаниях жандармов в сочувствии либералам до 1917 г. говорить не приходится⁷.

Февральская революция и разочарование действиями старого правительства многим развязали языки. В частности, бывший помощник начальника Владимирского ГЖУ А.И. Будогосский уже демонстрировал симпатии к конституционно-демократическому строю и заявлял, что «был за последнее время тоже в числе недовольных существовавшим режимом и невольно полевел»⁸.

На первый взгляд, нет ничего странного в том, что чины охранных отделений и Департамента полиции, принадлежавшие к образованному обществу, в той или иной мере разделяли его вкусы и увлечения. Но есть один существенный нюанс, который всё же стоит упомянуть. Если чины политической полиции и разделяли какие-то из либеральных воззрений, то в значительном числе случаев либералами их можно назвать лишь в том же смысле, в котором писал упомянутый в работе Ульяновой кн. В.П. Мещерский: «Огромное большинство русских людей... признают себя обязанными быть либералами и практиковать свой либерализм, но из них самая минимальная доля действительно либеральна» (с. 194). Ко многим, записанным таким образом в либералы, вполне применима характеристика, данная бывшим начальником Воронежского ГЖУ полковником Н.В. Васильевым (жандармом-философом, по выражению З.И. Перегудовой⁹) своему поднадзорному — вел. кн. Николаю Константиновичу, проживавшему в ссылке в Балаклаве: «Средневековый деспот-феодал по своим убеждениям, взглядам и вкусам, великий князь в душе менее всего склонен к либеральным тенденциям, но внешний, показной либерализм на словах, в виде порицания существующего строя, ему необходим, ибо это... вызывает к его положению интерес известной части общества, всегда готовой отнестись

сочувственно к “пострадавшему за убеждения”»¹⁰.

Служившие в полиции чиновники разделяли свойственную их социальной среде веру в прогресс, рациональное мышление и прочие плоды просвещения, однако зачастую, независимо от формулировок, употреблявшихся ими в деловой переписке, их поведение и отношение к политическому преступнику, да и к обычному обывателю, зависело прежде всего от его общественного положения, сословного происхождения и достатка. Образ действий чинов Корпуса жандармов в этом мало чем отличался от поведения частных приставов. И в полицейских участках, и в жандармских управлениях с рабочими и вообще с плохо одетыми людьми обращались грубо, не стесняясь непечатной ругани и рукоприкладства. В то же время перед «хорошо одетыми господами» там «ходили на задних лапках, предлагали стул и говорили “вы”». «Вследствие этого грубо-оскорбительного обращения, — вспоминал А.С. Шаповалов, — я и жандармов стал относить к той же категории фараонов, к которой причисляли в Питере рабочие всех полицейских»¹¹. По свидетельству А.И. Спиридовича, не лучше обстояло дело и в судебном ведомстве: если «арест какого-либо рабочего не обращал внимания прокурора, то арест интеллигентного человека и, в частности, студента всегда влѣк за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему»¹².

Вопиющее неравенство между членами «общества» и выходцами из народа сохранялось и на службе: унтер-офицеров их начальники могли использовать как личную прислугу, приказывая возить дрова, ремонтировать постройки и проч.¹³ Свообразные порядки существовали в Х павильоне Варшавской крепости. В его коридорах висели краткие выдержки

из инструкции, напоминая, чтобы нижние чины Варшавского жандармского дивизиона говорили заключённым «Вы». За нарушение по неосторожности этого правила полагалось пять суток карцера, куда сажали и провинившихся заключённых. Однако тех часто отпускали уже через сутки, поскольку они усиленно стучали в двери. Между тем провинившихся жандармов держали там до конца срока на хлебе и воде¹⁴. Случаи применения зуботычин в качестве воспитательной меры по отношению к провинившимся филёрам не скрывали даже мемуаристы¹⁵.

Таким образом, между офицером и поднадзорным из образованных, будь он либералом или социалистом, разница оказывалась порой куда меньшей, чем между офицером и подчинёнными ему нижними чинами. Вполне вероятно, что и либеральные заявления чинов политического сыска были обусловлены преимущественно не общностью их взглядов, а единой для всех образованных подданных царя культурной средой. Хотя и относительная мировоззренческая близость отнюдь не гарантировала на практике от притеснений: оппозиции полицией при самодержавии, а полицейских чинов — либералами, пришедшими к власти весной 1917 г.

Ульянова выделяет три категории полицейских служащих — чиновников Департамента полиции («законников»), жандармских офицеров — начальников ГЖУ и бывших секретных сотрудников (с. 90—91). Жандармским офицерам охраны в книге уделено немало внимания, но они не выделены в отдельную группу, а присоединены к Департаменту. Многочисленные железнодорожные жандармы остались за рамками исследования, и поделом: они всегда стояли особняком и делали вид, будто департаментские циркуляры писаны не для них¹⁶. Впрочем,

по своим личным характеристикам их руководящий состав мало чем отличался от начальников ГЖУ, разве что им больше повезло при распределении должностей: служба на железной дороге оплачивалась лучше, а те, кто менял армейский мундир на жандармский, чаще всего иными соображениями и не руководствовались¹⁷. С другой стороны, позиции железнодорожных жандармов также не лишены интереса, поскольку среди них встречались любопытные типы (как П.П. Заварзин или С.Н. Мясов), а их социальные контакты были весьма обширны.

Стоит отметить, что автор лишь упоминает об агентах наружного наблюдения, филёрах (с. 64—65), но никак не анализирует их позиции и высказывания. Очевидно, здесь сказывается скудость источниковой базы. Между тем и филёры имели свои политические пристрастия и далеко не всегда оставались бессловесны. Так, например, известны свидетельства филёра-ренегата Евгения Зайцева. Будучи агентом Санкт-Петербургского охранного отделения, он был в начале января 1907 г. арестован по делу группы террористов-экспроприаторов, в октябре решением Санкт-Петербургского военно-окружного суда освобождён, но вскоре вновь арестован по распоряжению своего бывшего начальника генерал-майора А.В. Герасимова. А в мае 1908 г. в нескольких газетах практически одновременно стали выходить его «мемуары», наделавшие много шума в обществе. Незадолго до этого Зайцев отправил несколько откровенных писем своему адвокату Цитрону, который нуждался в материале для защиты. Зайцев утверждал, что не давал права их публиковать, но ловкий помощник присяжного поверенного, а по совместительству — постоянный сотрудник газеты «Волжско-Камская речь» разослал филёрские откровения по

редакциям, которые с радостью принимались их тиражировать¹⁸. В 1917 г. Зайцев собственноручно воспроизвёл свои мемуары, и они оказались в распоряжении П.Е. Щёголева¹⁹. В них описывалась тяжкая, но вполне обыденная трудовая доля выходца из крестьян. Но любопытнее всего именно рассуждения о филёрской службе: «Я в то время не понимал, что это такое за охранное отделение. Я понимал как сыскное (сыскная полиция), которая наблюдает за уголовными преступниками, я совершенно не знал, что такое “политический”, даже слово политика было совершенно чуждо моему понятию. Мне никогда не забыть моих дней в роли агента, так как, по моему понятию в то время, должна полиция следить только за ворами и убийцами. Поэтому меня поразило то обстоятельство, что... приходится наблюдать исключительно за студентами, курсистами и инженерами, т.е. за интеллигентами — учёными людьми. Я часто ставил сам себе вопрос: неужели они, эти учёные, таковы. Ответы были: да, может быть, и опять задумывался и говорил — нет. Этого не может быть. Тут что-то особенное, непонятное для меня»²⁰. Конечно, Зайцев был недостаточно развит, чтобы оперировать теми терминами, которые ищет Ульянова, но и он имел склонность к интеллектуальным занятиям: «Помню, на Пасху была какая-то народ[ная] лотерея. Товарищ по службе выиграл книжку Грибоедова “Горе от ума”, в которой ничего не понял и отдал мне, это было для [меня] подарком. Это чудное сочинение мне сказало о многом. Помню, как я старался доказать величину и смысл этого автора. Но мой коллега никак не мог согласиться со мной. Много было подобных случаев. Что невольно является то, что подобн[ые] типы лишены мысли или не хотят задуматься»²¹. Характерно, что для Зайцева выслежива-

емые им представители образованного общества были столь же недостижаемо высоки, как и его собственное начальство, которое, в свою очередь, видело в нём обычного мужика. «И когда я был арестован, — вспоминал он, — привезён в охр[анное отделение]... я так был избит, что недели две не мог кушать сухого хлеба и был закован в кандалы по распоряжению Герасимова. Бил собственноручно Герасимов»²². В целом же, следует признать, что жандармские унтер-офицеры и агенты наружного наблюдения, несмотря на свою многочисленность, до сих пор остаются для историков «тёмной материей», поскольку дошедшие до нас сведения об их мотивации и вкусах чаще всего весьма отрывочны.

Ульянова не раз отмечает различия в том, как «либеральное» воспринималось и оценивалось чиновниками Департамента полиции и жандармскими офицерами. При этом следует учесть, что начальники ГЖУ — «любители “повинтить” с представителями местного общества в клубе или по квартирам мирных обывателей»²³, политическим розыском «фактически... серьёзно и не занимались»²⁴. С.Е. Виссарионов, служивший в конце XIX — начале XX в. по судебному ведомству, а в 1908 г. ставший вице-директором Департамента полиции МВД, считал значительную их часть совершенно непригодной для полицейской деятельности. Ему казалось, что «они не только не могут никем и ничем руководить, но сами нуждаются в руководстве и помощи»²⁵. Начальники ГЖУ, вышедшие из армейской среды и порою разбиравшиеся в «политике» не лучше, чем их бывшие товарищи по полку, вопреки инструкциям, нередко не имели серьёзной агентуры, а в докладах лишь фиксировали публичные выступления «либералов» из местного земства, которые представлялись значимыми на фоне бедной событиями

губернской жизни (с. 205). Сказывалась и ограниченность круга общения жандармов. Так, уже после революции 1905 г. помощник начальника Нижегородского ГЖУ подполковник П.П. Осипов жаловался на то, что из четырёх клубов, существовавших в городе, офицеры могли посещать только чиновничье «Общественное собрание», тогда как «Коммерческий» клуб, наиболее интеллигентный, состоял преимущественно «из кадет», в остальных же преобладали ещё более радикальные настроения²⁶.

По мнению Ульяновой, профессиональный интерес сотрудники сыска проявляли лишь к социалистам и радикальным либералам, тогда как «умеренный либерализм воспринимался в политической полиции как норма и был позиционирован в политическом пространстве рядом с консерватизмом»²⁷. Возможно, «на словах», в переписке это было и так, однако на практике наблюдение устанавливалось в зависимости от поведения, связей и намерений конкретных людей, каких бы взглядов они ни придерживались. А для чиновников, ведавших перлюстрацией, неприкосновенными оставались всего две персоны — глава МВД и император²⁸.

В основной части книги Л.В. Ульянова не выражает симпатий ни к полицейским чинам, ни к либералам. Но в Заключении она приводит обширную и пронзительную цитату из донесения Л.А. Ратаева, фактически солидаризируясь с его оценками. Возможно, именно глубокое погружение в заботы деятелей сыска позволило автору сделать печальный, но совершенно точный вывод: покуда власть заигрывала с обществом, политическая полиция, связанная присягой, оказывалась в изоляции. Позднее, фактически преданная престолу и отвергнутая обществом, она и погибла.

Примечания

¹ *Ивановская П.С.* В боевой организации. Воспоминания. М. 1928. С. 142.

² Даже профессиональные историки не всегда верно воспроизводят «департаментские» шифры, предпочитая выбрасывать из них номер делопроизводства и год. Ульянова же поступает наоборот: даже без номера описи шифр корректен.

³ *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение, 1880 — октябрь 1905 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴ На 350 страницах удалось обнаружить всего две опечатки (с. 39 и 175).

⁵ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 1623, л. 14.

⁶ Там же, оп. 6, д. 1695, л. 1—2 об.

⁷ Характерно, что А.П. Мартынов нередко употреблял слово «либерал» в качестве ругательства в отношении своих «заклятых коллег» по Саратову — полковника Микеладзе и подполковника Джакели, однако их «либерализм» проявлялся скорее в безалаберности, нежели в убеждениях.

⁸ ГА РФ, ф. 504, оп. 1, д. 483, л. 1.

⁹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 111, 112.

¹⁰ ГА РФ, ф. 617, оп. 1, д. 8, л. 59.

¹¹ *Шаповалов А.С.* Путь молодого рабочего. М., 1923. С. 43—45.

¹² *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 164.

¹³ ГА РФ, ф. 110, оп. 6, д. 3163, л. 12—15.

¹⁴ Там же, д. 2240, л. 8—9 об.

¹⁵ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 53.

¹⁶ *Лаврёнова А.М.* Жандармско-полицейские управления железных дорог и дознания по политическим делам: история одного мезальянса // Проблемы организации и функционирования государственного аппарата в России. Материалы научной конференции студентов и аспирантов кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ. М., 2014. С. 11—17.

¹⁷ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска / Публ. З.И. Перегудовой. Т. 1. М., 2004. С. 58; *Поляков А.М.* Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 486—487.

¹⁸ Волжско-Камская речь. 1908. 19 мая, 3, 9, 16 июня; Южные ведомости. 1908. 29 мая, 5, 7, 13 июня. Письма Зайцева подверглись при публикации небольшой редакторской правке и несколько отличались друг от друга.

¹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 569, л. 1—10.

²⁰ Волжско-Камская речь. 1908. 3 июня.

²¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 569, л. 2—3.

²² Там же.

²³ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 136.

²⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 111.

²⁵ Политическая полиция Российской империи между реформами: От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Сост. Е.И. Щербакова. М.; СПб., 2015. С. 225.

²⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 6, д. 2310, л. 10—11.

²⁷ Ульянова Л.В. Служащие политической полиции о либералах: место либерализма в легальном политическом пространстве (1880—1905 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 18.

²⁸ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2013. С. 292—293.

* * *

Кирилл Соловьёв

Политический сыск и либеральное движение*

Kirill Soloviev

(National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Political investigation and the Liberal movement

DOI: 10.31857/S086956870014485-4

Политический сыск и либеральное движение обычно не изучаются в тесной связке друг с другом. Конечно, исследователь русского либерализма не может пройти мимо материалов Департамента полиции: наблюдательные сотрудники этого учреждения неустанно собирали значительный по объёму и уникальный по информативности материал. Но чаще всего эти источники рассматриваются не сами по себе, а как «окно» в полулегальный мир либеральной оппозиции рубежа XIX—XX вв. В монографии Л.В. Ульяновой — не совсем так. Ей скорее интересен не наблюдаемый, а наблюдатель и характерная для него «оптика». Это взгляд тех, кто охранял порядок, поддерживал *status quo*, представлял государственную власть, отделявшую «благонадёжных» от «неблагонамеренных».

Кому же было доверено это право? Как считает Ульянова, руководство МВД и Департамента полиции было тесно связано с обществом и в известной мере разделяло настроения,

а порой и идеалы, бытовавшие среди родственников и знакомых. Исследовательница указывает, в частности, на А.А. Лопухина, Д.Н. Любимова, кн. С.Д. Урусова... Этот перечень можно продолжить. По мысли автора книги, высшие полицейские чины пользовались интеллектуальными клише, получившими широкое распространение в публике. Кроме того, многие высокопоставленные чиновники МВД имели юридическое образование, которое определённым образом «программировало» их действия, приучая к особой логике, представлениям о причинно-следственных связях, структуре знания.

Учитывая множество обстоятельств — специфику функционирования Департамента полиции, социокультурные особенности его чиновников, принципы сбора ими информации и т.д., Ульянова исследует, каким был категориальный аппарат сотрудников сыска? Как они воспринимали «либерализм» и «либералов»?

* Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетей, 2020. 358 с.